

Смертная казнь на о. Сахалинѣ.

Врачъ А. Д. Давыдовъ сообщаетъ въ „Тюремн. Вѣстн.“ о смертной казни трехъ преступниковъ на о. Сахалинѣ.

„18 апрѣля 1893 г., рассказываетъ г. Давыдовъ,—я получилъ секретное предписаніе отъ г. управляющаго островомъ присутствовать при исполненіи смертнаго приговора черезъ заплечнаго мастера надъ тремя преступниками-убійцами. Казнь должна была происходить на слѣдующій день, 19 апрѣля, въ 4 часа утра.

Въ 4 часа утра, едва разсвѣло, я услышалъ звонокъ въ дверь. Пришелъ надзиратель изъ тюрьмы звать на мѣсто казни.

Приговоренные содержались въ карцерахъ, каждый въ отдѣльномъ, такъ называемой, воеводской тюрьмы. Последняя представляетъ кандалное отдѣленіе александровской тюрьмы для болѣе тяжкихъ и подслѣдственныхъ преступниковъ. Названіе „воеводская тюрьма“ сохранилось за этимъ отдѣленіемъ въ виду того, что оно прежде содержалось, какъ особая тюрьма близъ поста Дуэ и носило это имя. Ближе къ задней сторонѣ, почти у самой ограды огромнаго квадратнаго двора кандалнаго отдѣленія (по двумъ сторонамъ тянутся бараки съ камерами арестантовъ), были выстроены эшафотъ и висѣлица. Во дворѣ я засталъ начальника округа, смотрителя тюрьмы, его помощника, начальника мѣстной команды и офицера, исправлявшаго обязанность военнаго прокурора при полевомъ судѣ. Ворота раскрылись настежь и рота солдатъ вошла во дворѣ мѣрнымъ шагомъ. Она выстроилась двумя шеренгами съ правой стороны висѣлицы. Вслѣдъ за этимъ изъ камеръ было выведено человекъ пятьдесятъ арестантовъ, такъ сказать, цвѣтъ каторги, самые тяжкіе изъ рецидивистовъ-преступниковъ, и выстроены на нѣкоторомъ отдаленіи, лицомъ къ эшафоту. Начальникъ округа, смотритель тюрьмы и начальникъ команды направились въ баракъ, гдѣ помѣщены карцеры. Черезъ нѣсколько минутъ они снова показались оттуда, за ними шелъ священникъ съ крестомъ въ рукѣ, а подлѣ него трое блѣдныхъ преступниковъ-приговоренныхъ, съ обнаженными головами. Начальство отошло въ сторону. Приговоренныхъ подвели къ эшафоту. Раздалась команда: „на караулъ“, и выступившій военный прокуроръ прочиталъ конфирмацію генераль-губернатора, утвердившаго приговоръ полевого суда. Преступники поцѣловали крестъ. Съ нихъ сняли халаты, надѣли саваны, и длинными концами рукавовъ связали перекрещенныя на груди руки.

Послѣ этого ихъ подъ руки взвели на эшафотъ, гдѣ одновременно на всѣхъ были наброшены капюшоны, а сверхъ нихъ петли. Палачъ осмотрѣлъ еще разъ узлы петель, пришедшіеся на затылкѣ у каждаго. Затѣмъ одновременно затянуты петли и вырублены подпорки изъ навѣсной части эшафота. Концы веревокъ обматываются вокругъ желѣзныхъ скобъ-ручекъ, прибитыхъ къ столбамъ висѣлицы.

Когда были срублены подпорки, то въ первый моментъ тѣла казненныхъ описали почти полный кругъ около веревки, при одновременныхъ судорогахъ нижнихъ конечностей. Последняя, замѣтная на глазъ, судорога у одного изъ нихъ, 45 лѣтъ отъ роду, послѣдовала черезъ двѣ минуты, а у двухъ другихъ, 28 и 22 лѣтъ, черезъ 4 и 6 минутъ по наложеніи петли. Надо прибавить, что старшій изъ нихъ, Калашниковъ, былъ уже въ обморочномъ состояніи, когда его взводили на эшафотъ; два другіе находились въ полномъ сознаніи. Изъ нихъ первый (22 лѣтъ), когда на него надѣвали капюшонъ, обратился къ товарищамъ со словами: „прощайте, братцы, хотѣлось пожить, да, видно, не приходится“; другой изъ нихъ сказалъ только: „простите, братцы“. Въ это время одинъ изъ бывшихъ въ строю солдатъ упалъ въ обморокъ. Всѣ присутствовавшіе чиновники были блѣдны, никто не зналъ сна въ эту ночь. Мрачность картины увеличивала полнѣйшая тишина, никто изъ присутствовавшихъ не проронилъ слова. Черезъ 20 минутъ тѣла осужденныхъ были спущены, сняты съ петель, уложены въ черные деревянные гробы и свезены на владбище“.
